

Царь Иоанн Грозный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3

Царь Иоанн Грозный / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 72 с.

ISBN 978-5-458-05927-5

Царь Иоанн Грозный: его царствование, его деяния, его жизнь, современники и деятели в портретах, гравюрах, живописи, скульптуре, памятниках зодчества и пр. и пр.

ISBN 978-5-458-05927-5

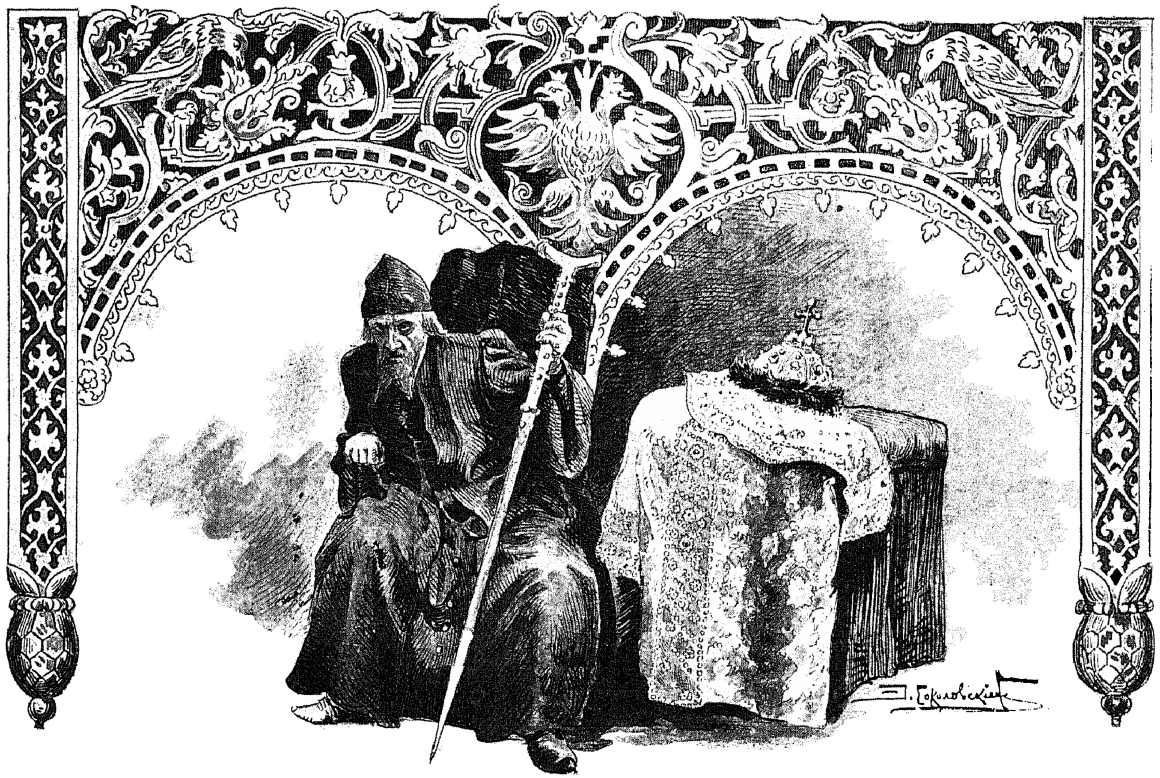
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСТУПАЕНІЕ

Въ ряду загадочныхъ образовъ видныхъ государственныхъ дѣятелей русскаго прошлаго, кровавая, эффектная личность Грознаго выдѣляется особенно ярко, приковываетъ къ себѣ исключительное вниманіе своей двойственностью, своей, если можно такъ выразиться, величавой преступностью, мучительной сложностью своихъ чувствъ, мыслей и побужденій. Недаромъ страшная загадка этой несомнѣнно недюжинной, но также несомнѣнно помраченной души тревожила столько великихъ умовъ, столько талантливыхъ писателей, поэтовъ, художниковъ, ученыхъ, такъ горячо стремившихся болѣе или менѣе удачно проникнуть въ нее, недаромъ изображенію эпохи Грознаго и его личности посвящено столько художественныхъ произведеній. Многіе считали его великимъ и старались оправдать его кровавыя злодѣянія, еще больше было такихъ, которые, вмѣстѣ съ его первымъ талантливымъ, но слишкомъ пристрастнымъ историкомъ, извѣстнымъ княземъ Андреемъ Курбскимъ, считали его ничтожнымъ и мелкимъ, приписывая всѣ великія событія его блестящаго царствованія постороннему вліянію и только... Тѣ и другіе были неправы. За послѣднее время слышались голоса, которые объявили его больнымъ и ненормальнымъ, и едва-ли это не самое здравое сужденіе о немъ.

По событіямъ внѣшнимъ царствованіе Грознаго является необыкновенно значительнымъ и славнымъ. Одной побѣды надъ татарами, исконнымъ врагомъ русской земли, завоеванія всего Поволжья и покоренія Сибири достаточно, чтобы высоко поставить престижъ любого царствованія. Не надо забывать при этомъ и упорныхъ, хотя неудачныхъ попытокъ Юанна пробить черезъ Ливонію болѣе удобный путь для сношенія съ западомъ: это стремленіе, для осуществленія котораго не пожалѣлъ впоследствии ни силъ, ни жертвъ Великій Петръ, достаточно свидѣтельствуетъ о большомъ, проницательномъ и дальновидномъ умѣ царя Ивана. Онъ ясно представлялъ себѣ несомнѣнную пользу сближенія Руси съ болѣе просвѣщенными странами, заводилъ дѣятельныя сношенія и торговлю съ Англіей, велъ дипломатическія сношенія съ папой и императоромъ, которые уже начинали смотрѣть на московскаго царя, какъ на могущественнаго союзника въ борьбѣ съ турками, серьезно угрожавшими тогда Европѣ.

Не менѣ значительны и внутреннія событія Іоаннова царствованія. До него русскіе великіе князья, озабоченные приращеніемъ своихъ владѣній и соединеніемъ въ одно крѣпкое цѣлое разрозненныхъ частей удѣльной Руси, весьма мало вниманія удѣляли ея внутреннему неустройству, недостатку системы въ управленіи, злоупотребленіямъ и безтолковости въ судопроизводствѣ, дѣлахъ церковныхъ, грубости и невѣжественности народа, странности его нравовъ и обычаевъ. Грозный первый не только обратилъ на это вниманіе, но и прилагалъ по мѣрѣ возможности всѣ усилія, чтобы исправить дѣло. Имъ было положено начало созыву земскихъ выборныхъ на совѣтъ о государственныхъ дѣлахъ, попытка ввести въ Россіи земское самоуправленіе, имѣ, или вѣрнѣе по его повелѣнію, былъ пересмотрѣнъ и переизданъ сводъ русскихъ законовъ, записанный въ его знаменитомъ „Судебникѣ“, имѣ былъ созванъ „Столвый соборъ“ для пересмотра церковныхъ дѣлъ. Не его вина, если всѣ эти благія начинанія не увѣнчались большею частью никакимъ успѣхомъ: вмѣстѣ съ Петромъ I онъ имѣлъ бы полное право сказать, что онъ тогда въ Россіи самъ-десять только (и даже того меньше) тянулъ въ гору, тогда какъ самъ-сотъ тянули подъ гору! И правъ тотъ изъ историковъ Іоанна, который сказалъ, что застарѣлое невѣжество и нравственная загроубѣлость русскихъ въ корни разстроили всѣ его проницательно задуманные планы, что не было тогда рѣшительно въ народѣ ни умственной, ни нравственной силы для обновленія: онъ зналъ только свои привычныя порядки и могъ только крѣпко держаться за свою святую старину, дурно понятую и мало примѣнимую къ новымъ условіямъ жизни... Вотъ почему заботы объ улучшеніи государственнаго строя и общественной жизни не принесли большой пользы.

Единственное внутреннее начинаніе Іоанна увѣнчалось успѣхомъ—побѣда самодержавія надъ боярствомъ... но нельзя не замѣтить, что она могла быть куплена далеко не такой кровавой и звѣрской цѣной, которая наложила на личность и память Іоанна несмываемое пятно.

Спора нѣтъ, что боярство стояло между царемъ и народомъ слишкомъ крѣпкой преградой. И никогда еще знатные бояре, потомки удѣльныхъ князей и всѣхъ ихъ присныхъ не достигали въ Москвѣ такой силы, какъ въ малолѣтство царя Івана. Событія давно доказали, что ничто не могло быть для государства губительнѣе и для народа ужаснѣе этого боярскаго самовластія. Чего стоилъ одинъ обычай воеводскаго кормленія, разорившій цѣлыя области, ввѣренные воеводѣ, который буквально грабилъ всѣхъ и вся, оставляя мѣста своего пребыванія послѣ кормленія совершенно опустошенными, словно только что перенесшими вторичное татарское нашествіе! Не менѣ губителенъ былъ и обычай мѣстничества, распредѣленія важнѣйшихъ государственныхъ должностей, военныхъ и гражданскихъ, по знатности рода, выдвигавшій на самыя видныя мѣста нерѣдко самыхъ тупыхъ, бездарныхъ, жалкихъ посредственностей, личностей самаго низкаго разбора и закрывавшій наглухо дорогу къ общественной дѣятельности всякому неродовитому уму и таланту.

Іоаннъ достаточно пасмотрѣлся съ дѣтства на возмутительное и грубое самовластіе боярства, окончательно сорвавшагося съ узды, когда оно перестало чувствовать надъ собою крѣпкую руку господина. Достаточно унижали и травили его всѣ эти Шуйскіе, Глинскіе и имъ подобные: забывъ всякую осмотрительность, они ворвались въ самое святое святыхъ его души, отравили его мать, лишили его любимыхъ друзей, кормилицы—самаго близкаго для него человѣка, загрязнили сценами кроваваго буйства и насилія его дѣтскую, болѣзненно впечатлительную душу, съ которой надо было обращаться такъ осторожно и нѣжно, чтобы потушить въ ней огонь нездоровыхъ страстей, которыя они сами раздули въ грандіозный, всеразрушающій пожаръ. Можно смѣло сказать, что Шуйскіе съ товарищами сами постарались доставить Іоанну неисчислимыя поводы думать, что дѣлу его предковъ, великихъ собирателей русской земли, грозитъ неизбѣжная бѣда, что самодержавіе и единство Руси, которое они такъ старательно растили, будетъ навѣкъ заглушено потомками князей, удѣлы которыхъ поглощены были Москвою.

Борьба самодержавія съ боярствомъ становилась неизбѣжной,—говоритъ извѣстный русскій историкъ Соловьевъ.—Боярство совершенно не понимало своихъ выгодъ, не было объединено опредѣленной общей цѣлью, непрерывно враждовало между собою, готово было губить другъ друга ради самыхъ мелкихъ личныхъ цѣлей, озлобляло противъ себя народъ всевозможными злоупотребленіями и насиліями, не стѣсняясь иной разъ въ минуту необходимости измѣнить и присягѣ. Это все какъ бы оправдывало и узаконяло борьбу съ ними Іоанна. Грубый-же ихъ произволъ и личные обиды царю во время его малолѣтства породили глубокую ненависть и чувство мести въ его душѣ и придали этой борьбѣ беспощадный, если не сказать безчеловѣчный, характеръ.

Боярство должно было быть раздавлено въ силу различныхъ чисто историческихъ причинъ,

но трудно, конечно, оправдать ужасный способъ, который примѣнялъ Іоаннъ для достиженія своей цѣли—его кровавыя потѣхи и издѣвательства, его болѣзненную мнительность, его массовыя пытки, казни, избіенія, которымъ подвергались и не одни бояре, произволь его опричины, безудержный разгулъ его страстей; оправданія, или, по крайней мѣрѣ, объясненія этому слѣдуетъ искать въ одномъ—болѣзненности Іоанна.

Въ одномъ изъ своихъ интересныхъ психіатрическихъ эскизовъ по исторіи, проф. Ковалевскій доказываетъ, что Іоаннъ страдалъ такъ-называемой паранойей, или первичнымъ помѣшательствомъ, болѣзнию, представляющей чрезвычайно странное и причудливое раздвоеніе сознанія человѣка. Параноикъ живетъ обыкновенно двойственной жизнью, въ отношеніи свѣдѣній объ обыденной жизни параноикъ ничѣмъ не отличается отъ обычнаго человѣка: онъ имѣетъ тѣ-же знанія, въ точности выполняетъ ихъ, какъ все люди, вполне правильно и сознательно воспринимаетъ и переживаетъ текущую жизнь и въ то-же время въ область этой здоровой обычной жизни врывается его бредъ преслѣдованія. Долгое время эти два душевныхъ міра совмѣщаются въ человѣкѣ незамѣтно для окружающихъ, долгіе годы параноикъ можетъ занимать общественныя должности, быть гражданиномъ не хуже другихъ и удовлетворительнымъ семьяниномъ. Бредъ преслѣдованія параноика существуетъ въ больномъ непрерывно, но его теченіе или прохожденіе совершается волнообразно: то усиливаясь, то ослабѣвая. Въ періоды ослабленія бредовыхъ идей параноикъ покоенъ, тихъ, исполнительнъ, болѣе или менѣе общителенъ и легко подчиняется требованіямъ общественной жизни; въ періодъ ожесточенія бредовыхъ идей параноикъ выходитъ изъ своей тихой жизни и пытается проявить тяготящее надъ нимъ вліяніе своихъ бредовыхъ идей. Если-бы мы представили себѣ человѣка съ общественнымъ положеніемъ неограниченнымъ, неограниченнымъ правомъ и свободой дѣйствія, то подъ вліяніемъ бредовыхъ идей преслѣдованія такой человѣкъ быстро одержитъ верхъ надъ сознаніемъ обычной здоровой жизни и въ моментъ ожесточенія бредовыхъ идей явится разрушителемъ міра. (Проф. Ковалевскій: „Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе“).

И дѣйствительно, если смотрѣть на Іоанна съ этой точки зрѣнія,—не трудно объяснить себѣ его на первый взглядъ загадочное поведеніе, тѣмъ болѣе, что извѣстное предрасположеніе къ душевной болѣзни несомнѣнно было врождено ему, а воспитаніе и обстановка первыхъ шаговъ его жизни сдѣлали повидимому все, чтобы это предрасположеніе усилилось.

Іоаннъ былъ сыномъ престарѣлаго отца и слишкомъ молодой матери, при чемъ Василій III отличался болѣзненностью, а Елена Глинская вспыльчивостью, излишней страстностью и несдержанностью нрава. Коротче говоря, Іоаннъ, по мнѣнію профессора Ковалевскаго, въ качествѣ сына родителей съ значительно сомнительной нервной системой и не особенно безпорочной физической организаціей, обладалъ уже отъ рожденія недостаточно здоровой, крѣпкой и устойчивой нервной системой; напротивъ, она уже съ появленіемъ на свѣтъ предназначена была стать хилой, отступающей отъ обычнаго бытія и склонной къ заболѣваемости. „Это предположеніе доказывается состояніемъ здоровья членовъ семейства Іоанна Грознаго: его братъ былъ скудоуменъ, его дѣти вымираютъ, проявляютъ необыкновенную жестокость и эпилепсію. Такія семейныя проявленія даютъ основаніе къ допущенію предположенія о вырожденіи рода. Члены такихъ семействъ находятся подъ опасностью стать вырождающимися или, какъ ихъ называютъ, дегенератами“ („Психіатрическіе эскизы по исторіи“).

Здоровое и заботливое воспитаніе, можетъ-быть, могло-бы еще спасти Іоанна и подавить въ немъ зародыши его страшной болѣзни, но жизнь Іоанна сложилась такъ несчастливо, что все, казалось, было противъ него. Онъ росъ заброшеннымъ, лишеннымъ любви и ласки, несчастнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова ребенкомъ. „Его мать жила для себя,—говоритъ пр. Ковалевскій—(Елена была, какъ извѣстно, безумно влюблена въ молодого красавца Телешнева-Оболенскаго, смертью заплатившаго за свой романъ съ царственной вдовой), и ребенокъ царя Василя для нея не существовалъ. Такія условія жизни въ первые годы дѣтства должны были уже породить въ Іоаннѣ замкнутость, скрытность, сосредоточенность, подозрительность, сухость къ окружающимъ и даже нѣкоторую степень недовольства и озлобленія“. Еще хуже стало, когда Елена умерла и несчастный ребенокъ сдѣлался игрушкой чужого произвола. „Окруженный людьми, которые въ своихъ стремленіяхъ не обращали на него никакого вниманія,—говоритъ знаменитый нашъ историкъ Соловьевъ,—людьми, которые оскорбляли его, въ своей борьбѣ не щадили другъ друга, позволяли себѣ въ его глазахъ насильственные поступки, Іоаннъ привыкъ не обращать вниманія на интересы другихъ, привыкъ не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка. Пренебрегая развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, воспитатели позволяли

ему предаваться чувственнымъ и животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему и хвалили за то, за что надо было порицать (извѣстно, что Іоаннъ любилъ въ дѣтствѣ мучить животныхъ, давить народъ, носясь съ товарищами на коняхъ по люднымъ улицамъ Москвы), и въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодого князя оскорбляли, оскорбляли память его родителей, умерщвляли людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ“. Никто не постарался смягчить его нравъ, воспитать въ немъ чувство долга. Одни побуждали только къ охотѣ, кровопролитности, кровожадности и лютости къ людямъ, другіе развивали въ немъ для своихъ личныхъ цѣлей подозрительность, наускивали его на своихъ враговъ. Словомъ, всѣ условія его жизни и воспитанія только усилили болѣзненную неустойчивость его нервной системы.

Подпавъ на нѣкоторое время подъ благотворное вліяніе Сильвестра, своего придворнаго духовника и его друзей, Іоаннъ, по неустойчивости своей болѣзненной воли, не могъ долго оставаться вѣрнымъ одному направленію. Его болѣзнь и отказъ многихъ изъ ближайшихъ его совѣтниковъ присягнуть его малолѣтнему сыну Дмитрію изъ боязни повторенія боярскаго самовластия эпохи дѣтства Іоанна, смерть его любимой жены Анастасіи, отравленной, какъ онъ подозрѣвалъ, боярами, дали послѣдній толчокъ къ совершившемуся въ немъ окончательному нравственному перелому.

Іоаннъ окончательно падаетъ, окружаетъ себя опричниками, предается оргіямъ, пыткамъ, казнямъ—бредъ преслѣдованія сказывается въ немъ во всей своей страшной силѣ. „Поддерживающими болѣзнь обстоятельствами,—замѣчаетъ проф. Ковалевскій,—послужили для Іоанна воспоминанія прошлаго и напечтыванія такихъ приближенныхъ, какъ Малюта Скуратовъ, Вяземскій и другіе. Характеръ паранойки необыкновенно ярко выражается въ созданіи опричнины. Подозрительный, бредящій врагами, трусливый и малодушный, Іоаннъ создаетъ опричницу, коей назначеніе охранять его и изводить враговъ Іоанновыхъ“.

Непормальность Іоанна сказывается и въ его болѣзненной выдумкѣ превращать время отъ времени Александровскую слободу, гдѣ онъ жилъ со своей опричниной, въ монастырь, котораго онъ считалъ себя настоятелемъ, котораго келаремъ онъ назначилъ палача Малюту, а братіей остальныхъ кровожадныхъ опричниковъ.

И по мѣрѣ того какъ усиливалась болѣзнь Іоанна—все сильнѣй и сильнѣй разгоралась въ немъ жажда крови: его казни возрастали съ десятковъ на сотни, а затѣмъ на тысячи и десятки тысячъ. Нельзя безъ ужаса вспомнить его кровавый походъ на Новгородъ, гдѣ онъ буквально купался въ крови... „Такое злодѣйство можетъ совершить только параноикъ,—говоритъ профессоръ Ковалевскій:—это не преступленіе, а дѣяніе душевно-больного, невмѣняемаго, но и не правоспособнаго“.

Жестокія терзанія совѣсти, жестокія мученія, физическія и нравственныя, не покидали Іоанна всю вторую половину его жизни. И умеръ онъ медленной, тяжелой, мучительной смертью: онъ разлагался заживо, внутренности его медленно гнили, въ бреду онъ видѣлъ убитаго имъ старшаго сына Іоанна и безчисленную вереницу казенныхъ имъ жертвъ, требовавшихъ отъ него возмездія. „На грудахъ тѣлъ казенныхъ бояръ, на потокахъ крови, часто безвинно имъ пролитой,—говоритъ одинъ изъ историковъ Іоанна,—грозный царь, окруженный опричниками, сталъ сграшенъ не только боярамъ, но и самому себѣ“.

Характерно, что народъ, не разъ возвращавшійся въ своихъ пѣсняхъ къ эпохѣ и личности Іоанна, рѣдко вспоминаетъ его „лютыхъ казни“, а вспоминая, чуть-ли не постоянно оправдываетъ ихъ. Народъ представлялъ себѣ своего жестокаго повелителя почти преимущественно въ положеніи только грознаго судьи, карающаго по справедливости за нѣмѣну. Народъ, очевидно, давно почувствовалъ въ немъ своего исконнаго защитника отъ боярскаго произвола, насилія и неправды—можетъ быть потому, что кровавые ужасы Александровской слободы глухо доносились до такъ-называемой „земской Руси“, совершалась преимущественно не на ея глазахъ. Народъ охотнѣе вспоминаетъ Грознаго во всемъ его царственномъ величій, отважнаго завоевателя татарскихъ ханствъ, отмѣтившаго могуществомъ и блескомъ свое славное правленіе: „Какъ зачпналася камепна Москва,—говоритъ пѣсня,—тогда зачинался и Грозный царь Иванъ, сударь Васильевичъ. Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ, полонилъ царя и съ царицею, выводилъ нѣмѣну изъ Пскова, изъ Пскова и изъ Новагорода“.

КАМЕННЫЙ ВЫЖЖЕННЫЙ ОРНАМЕНТЪ ВЪ ЦАРСКОЙ ГРОБНИЦѢ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОВОРѢ ВЪ МОСКВѢ.

СОДЕРЖАНІЕ

Вступленіе	1—4
Содержаніе	5—8
Отець Іоанна Грознаго	9—10
Лицевыя изображенія царя Іоанна .	11—15
Вѣнчаніе на царство .	16
Печати царя Іоанна	17
О женахъ царя Іоанна	18—19
Планы Москвы	21
Походы противъ Казани	22—31
Походъ противъ Астрахани	33
Ливонская война	34—47
Сношенія царя Іоанна съ Западомъ	48—49
Покореніе Сибири	50—53
Опричина	54—58
Александровская слобода	59
Сынъ Іоанна Грознаго	62—63
Начало книгопечатанія	65
Смерть Іоанна Грознаго	66—67

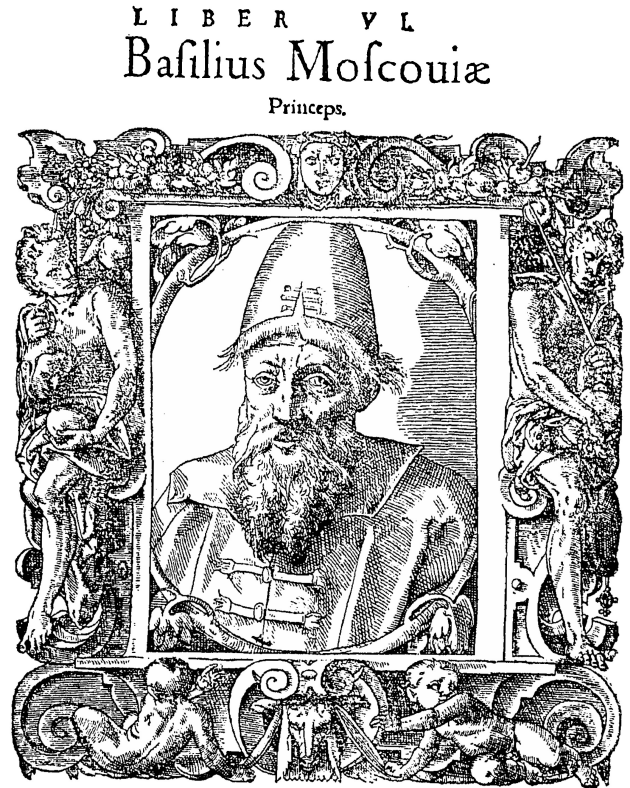

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.
СТАТУЯ М. М. АНГОКОЛЬСКАГО.

*Rufforum Rex & Dominus sum, iure paterni
Sanguinis: imperij titulos à nemine, quavis
Amercatus prece, uel precio: nec legibus ullis
Subditijs alterius, sed Christo credulus um,
Emendicatos alijs aspernor honores.*

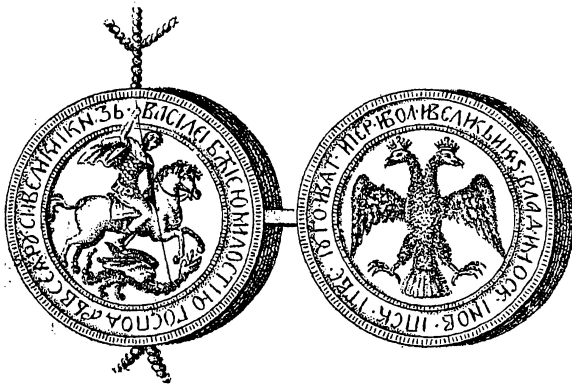
ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ІІІ ІОАННОВИЧЪ.
Гравюра на деревѣ, приложенная при базельскихъ изданіяхъ путешествія
Герберштейна 1551 г.

LIBER VI
Basilus Moscouiæ
Princeps.

A B S T R V S A penitus ad Boream præter Hercynios saltus, Ar
ctooque vertici subiecta Moscorum Regna, inacta olim Ro
manis Legionibus, nec planè Græcis scriptoribus nota, Sigif
mundus Sarmatarum Rex latissimè nobis aperuit, quum ar
mis cum Basilio eius gentis Principe ad Orsam iusta acie cõ
tendisset; qua innumcrabilis eius gentis equitatus sæde profigatus est. Tũ
enim primo Romæ de victoria parva supplicationes decretæ sunt, quod Mos
chi à Polonis & Lithuanis, modo Rutheni, modo Moscouitæ vocati, tanquã
fecuti Græcorum opiniones, à Romano Pontifice dissentirent. Sed Basili
us qui adoptari in Regem sicuti ex Demetrio Legato accepimus, ex Principi
pe honestiore scilicet speciosioreque titulo cupiebat, pace facta cum Sarmã
is, non semel cum Maximiliano Cæsare Clementeque Pontifice per lega
Dd

ВЕЛ. КН. ВАСИЛІЙ ІВАНОВИЧЪ.
Гравюра на деревѣ, работа Тобиаса Штиммера, помѣщенная въ книгѣ Іовія:
Pauli Iovii «Elogia virorum bellica virtute illustrium». Basel. 1575.

ПЕЧАТЬ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МАЛАЯ (двойная кормчая) великаго
князя василия іоанновича 1514 года.

Печать приложена на жалованной грамотѣ государя великаго князя
Василия Іоанновича 1514 года июля 10-го, даваемой жителямъ смоленскимъ
о владѣніи духовнымъ, боярамъ и всякаго званія людямъ своими зем
лями по прежнимъ грамотамъ литовскаго великаго князя Витовта и
королей Алжсандра и Сигизмунда.

ПЕЧАТЬ МИТРОПОЛИТА ДАНИЛА ПРИ ВАСИЛИИ ІІІ.

Великій князь Василій, носящій въ исторіи характерное
название «последняго собирателя русской земли», человекъ въ
высшей степени самовластный, энергичный и гордый, имѣлъ, по
свидѣтельству одного изъ его историковъ, Павла Іовія, наруж
ность благородную, станъ величественный, лицо симпатичное,
взоръ пронизательный, но не суровый и по тогдашнему тяже
лому времени былъ болѣе добръ, нежели суровъ.

ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

Два дошедшихъ до насъ портрета Василія Іоанновича,
одинъ—помѣщенный при первомъ изданіи «Записокъ» извѣстнаго
барона Герберштейна, другой—при сочиненіи Павла Іовія, можно
считать вполне достовѣрными и очень хорошо передающими
выразительныя черты великаго князя московскаго.

